

Бор. Ефимов - 54

Новый гоминдановский кабинет министров направляется на заседание.

К Р О К О Д И Л

ОСОБЫЙ МАРШРУТ

— Сынок, посмотри, не видать автобуса? У тебя глаза помоложе!

— Не видать, папаша! Как сказал поэт: «Не пылит дорога, не дрожат листы, обожди немного, отдохнёшь и ты!»

— А мы второй час после работы здесь уже «отдыхаем», между прочим! Сквозь землю автобусы провалились, что ли?!

— Главное, у меня тесто поставлено. Рассчитывала, приеду к сроку, а теперь оно скиснет, тесто-то!

— У вас тесто, а у меня дети дома остались без призора. Старшенький-то ещё ничего, сознательный, а младшенький обожает спички зажигать. Найдёт коробок — и давай чиркать. А какая не зажигается, ту он, представьте, в носик себе вставляет. Я тоже надеялась, что быстро обернусь, как всегда, а оно вон что получается! Прямо душа болит!

Такие разговоры вели между собой жители города Семипалатинска, поджидая автобус на стоянке Завод-затон 4 мая 1954 года.

Когда терпение многих окончательно истощилось и они отправились в город на своих на двоих, наконец «запылила дорога, задрожали листы» — и появился долгожданный маршрутный автобус.

Кондукторша — девушка молодая, бойкая и острая на язык — выслушала жалобы, упрёки и угрозы, произнесённые нестройным, но пыльным хором, и ответила так:

— Граждане, поберегите нервы. Мы тут ни при чём. Сегодня с нашего маршрута снято четыре машины, отсюда и задержка.

В толпе разом заговорили:

— Почему сняли? Кто снял? Отвечай точно!

— Пожалуйста, можно и точно. Машины

СОРЕВНОВАНИЕ С ПРЕПЯТСТВИЯМИ

На Московском машиностроительном заводе разработаны 32 различных «условия» соревнования.

Рисунок Бориса ЛЕО.

— Ну что, начнём? Кто первый?

снял товарищ Елизаров — это начальник нашей автобазы № 1. А почему снял, сами должны догадаться. Ну-ка, скажите, какой сегодня день?

— Обыкновенный день, рабочий.

— Сегодня поминальный день! — сказала кондукторша. — Верующие люди на кладбище ездят, усопших поминуют, выпивают да закусывают. Вы, видать, об этом забыли, а товарищ Елизаров помнит, хоть и является на сегодняшний день начальником. Наши четыре машины как раз и работают на кладбищенском маршруте. Туда с вокзального тоже два автобуса переброшено, — одним словом, налажено полное культурное обслуживание пережитков прошлого...

Поминая недобрым словом богобоязненного товарища Елизарова, заждавшиеся пассажиры шумно полезли в автобус.

Бойкая кондукторша сказала правду. Она не сказала только, что не один Елизаров с равным потрудился для религиозного праздника. В поминальный день 4 мая к лицу семипалатинских «угодников божьих» должны быть сопричислены и работники торговли, подведомственные начальнику местного горторга Радченко. Они выехали на кладбище со своими передвижными буфетами и лотками.

Поминальщики чувствовали себя на кладбище, словно в ресторане. Тот, кому не хватило захваченной из дому животительной влаги, тут же, на месте, мог пополнить запасы, остудившись «после принятия» сливочным или шоколадным пломбиром. И если после панихидного песнопения отец дьякон не провозгласил громкое «многая лета» в честь товарища Елизарова, то это упущение говорит лишь о нечуткости местных служителей культа. Да разве прошёл бы у них в Семипалатинске так пышно и щедро поминальный день, если бы не энергичная помощь со стороны этих двух советских работников?!

Семипалатинск — это Казахстан, Чита — Забайкалье; расстояние между ними порядочное. Но в поминальный день между этими городами произошла своеобразная переключка. Над семипалатинским кладбищем клубился сивеватый сладкий ладанный дымок, и над читинским тоже. В Семипалатинске, поминая усопших родителей, выпивали и закусывали у стоек передвижных буфетов, отправленных на кладбище энергичными деятелями прилавка, а в Чите тоже выпивали и закусывали у стоек передвижных буфетов, направленных на кладбище не менее энергичным товарищем Коноваловым — директором местного треста столовых и ресторанов. В Семипалатинске ехали на кладбище в автобусах, а в Чите — в легковых и на грузовых машинах «Заготскога», «Главмаслоторга» и других учреждений и предприятий.

Разница между Семипалатинском и Читой в этом смысле заключалась лишь в программе, так сказать, художественной части, каковая воследовала после панихидной. В Семипалатинске, по утверждению очевидцев, поминальщики в порядке кладбищенской самодеятельности шели главным образом про традиционный камыш, который шумел, и про деревья, которые гнулись, а в Чите больше напирали на бурю, которая редела. Кстати сказать, свежий человек, попав на читинское кладбище, несомненно, погрузился бы в тяжёлую и пепельную думу. Как пишет газета «Забайкальский рабочий», кладбище в Чите запущено. Оно ничем не огорожено, и среди могил, разрушая их, свободно бродят коровы и козы, а несознательные тёлки чешут бока о кресты и памятники. Короче говоря, «младая жизнь играет» у читинского «гробового входа» с редкой непринуждённостью.

...Верующие люди, понятно, вправе справлять свои обряды, и никто не покушается на их право. Но когда советские работники, руководители угодливо начинают, как сказала семипалатинская кондукторша, «культурно обслуживать пережитки прошлого», тут уж извините!.. Нам ясно, что и в Семипалатинске и в Чите начисто забыли, что такое антирелигиозная пропаганда, как её надо вести, для чего и во имя чего. В этом смысле между этими городами тоже нет никакой разницы.

Леонид ЛЕНЧ

ПЛЕМЯНИЧЕК

В течение 1953 года из ВЦСПС было отправлено 246 676 писем, 13 178 бандеролей, 12 367 телеграмм...

Последнее время за инженером московского института «Гипроздрав» В. Е. Фирмоном наблюдаются странности. На службу он постоянно опаздывает, нередко бывает то взвинчен, то хмур, а сидя за чертёжной доской, витает мыслями вдалеке от водопроводов и канализационных устройств, которые проектирует.

Однажды инженеры заспорили, как лучше разместить душевые и ваннные комнаты в новой больнице.

— А что бы вы решили, Владимир Евгеньевич?

— Надо кассировать! — выпалил Фирмон. — Ах, простите, вы о душевых? Пожалуй, разместить их лучше во второй инстанции... то бишь во втором этаже.

Юридические термины довольно часто совершенно произвольно срывались с уст Владимира Фирмона. Он не к месту употреблял такие выражения, как «дееспособность», «имущественные права», «третье лицо», «исковая давность». А на днях технические нормы он назвал процессуальными нормами.

Заметив, как Фирмон, сидя в буфете, штудирует Гражданский кодекс, многие даже решили, что он учится в заочном юридическом институте и намерен переменить профессию. Поспешный вывод! Владимир Фирмон нигде не учится, а уже полтора года судится, отдавая этому занятию все свои силы.

Делом, или, вернее, делами, Фирмона занимались многие судебные инстанции. В общей сложности по ним вынесено около тридцати решений. В папках накопилось килограмма два бумаг. Но Фирмон с редкостным вдохновением продолжает предъявлять иски, кассировать. Он требует, чтобы его признали наследником стариков Обуховых, передали ему имущество покойных, закрепили за ним чужую квартиру, хотя никаких прав на всё это у Фирмона не было и нет.

Эмиль Золя в пьесе «Наследники Рабурдена» показал, как дальние родственники и мнимые друзья бывшего торговца сукном Рабурдена охотились за его наследством. Они окружали старика лицемерной заботой, подносили Рабурдену цветы, забрасывали «дорогого дядюшку» и «милого друга» множеством подарков, среди которых были барометр, штопор и каминные часы.

На такие тонкости по отношению к тетке и дяде Фирмон оказался не способен. Он даже не хотел уплатить 1 рубль 76 копеек, причитавшиеся с Ефима Семёновича Обухова за газ. Когда заболела тётка, Фирмон, правда, лично отвёз её в больницу, но тут же потребовал с Ефима Семёновича компенсации расходов. Правда, когда тётка умерла, племянник украсил её могилу цветами, но опять-таки предъявил дядюшке соответствующий счёт.

Наследники Рабурдена только поглядывали с вождедением на его несгораемый шкаф. Фирмон же действовал более решительно. Не долго думая, он отправился в сберкассу и незаконным путём получил принадлежащие дяде 4 тысячи рублей. Ефиму Семёновичу пришлось обратиться в народный суд с просьбой взыскать с Фирмона эти деньги.

Одиноким, больной старик чувствовал себя хуже и хуже. Но Фирмону было недосуг вызвать к дяде врача. До того ли? У инженера и так масса хлопот с ремонтом недавно купленного автомобиля! Сослуживцы проявляли о Ефиме Семёновиче куда больше заботы и участия, чем племянник, живущий тут же, рядом, за стенкой. А когда Обухов умер, на другой день после похорон Фирмон отправился в учреждение, где работал дядя, и предъявил счёт за гроб, за погребальное покрывало, за туфли для покойника.

А ещё через день, состроив на лице горестную мину, Фирмон явился в суд.

— Вы по делу о взыскании с вас четырёх тысяч рублей в пользу Обухова Ефима Семёновича?

— Нет, я по делу о признании факта усыновления меня дорогим, незабвенным дядюшкой Ефимом Семёновичем.

Первое дело пришлось прекратить из-за смерти истца. Второе пришлось начать, потому что Фирмон претендовал на квартиру и наследство.

Тридцатитрёхлетний, начинающий лысеть человек набивается в сыновья к покойным! У Фирмона живы родные мать и отец, но ему, видите ли, хочется иметь родителей побогаче! Какие же основания у Фирмона требовать, чтобы его признали усыновлённым Обуховыми? Давным-давно, когда Владимир Евгеньевич был ещё Володей и ходил в коротких штанах, бездетные Обуховы помогали его воспитывать... Несколько лет назад старики пустили Фирмона до поры, до времени пожить у них в квартире... Вот, собственно, и всё.

Вокруг этих ясных и непреложных фактов Владимир Фирмон нагородил кучу сентиментальной чепухи и мнимых юридических противоречий. Но судебные органы терпеливо и настойчиво разобрались в мельчайших обстоятельствах дела. Фирмону в иске отказали.

Тогда инженер затевает новую тяжбу. Махнув рукой на наследство, часть которого он уже успел разбазарить, Владимир Фирмон просит закрепить за ним квартиру Обуховых размером в сорок два квадратных метра. Даже не комнату, где он временно жил, а всю квартиру.

— А на каком основании вы хотите в ней остаться? — спрашивает судья.

— Я был членом семьи покойных!

— Позвольте... У вас же есть своя семья — жена, дочь, наконец, тётка и мать, имеющие жилую площадь.

— Тётка и дядя так меня любили, так обо мне заботились... И я их любил. Особенно тётю!

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.

— Охрана труда, где ты?

Фирмон вздыхает, смахивая воображаемую слезу. Отказали Фирмону в народном суде, отказали и в Московском городском. Теперь он обратился с очередной кассацией в Верховный суд.

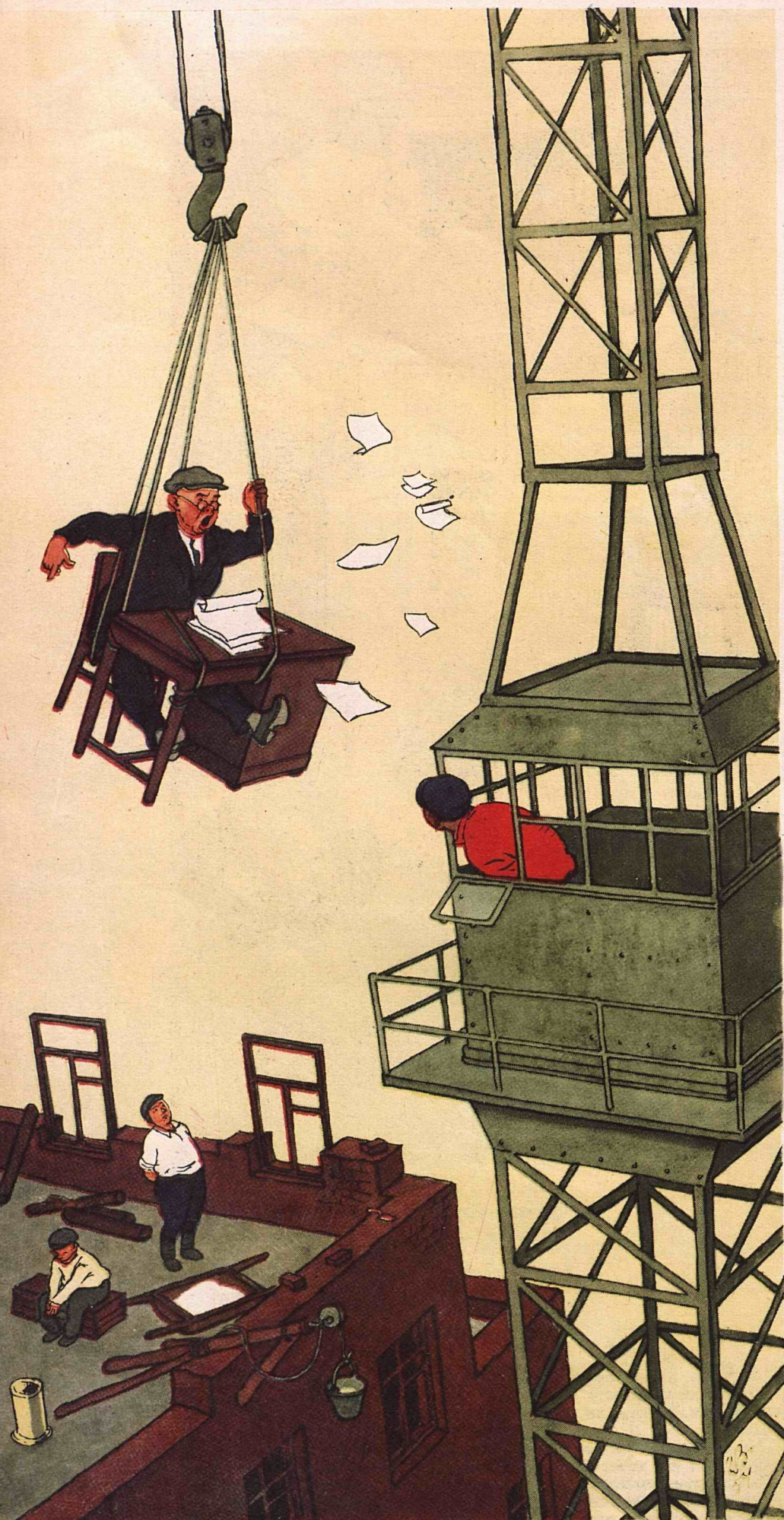
Но... поможет ли? Уж очень безнадежна и неприглядна вся эта затеянная им история. Не случайно Фирмон у себя в институте «Гипроздрав» никогда не рассказывает о своих судебных тяжбах, а только проговаривается о них. Теперь сослуживцы Фирмона поймут причины странной рассеянности новоявленного «наследника Рабурдена» из отдела сантехники. Поймут и только посмеются над ним, как смеялись над героями пьесы Золя.

Е. ТРОИЦКИЙ

МЕХАНИЗМЫ В ДЕЙСТВИИ

На строительстве жилищ велики простои механизмов и рабочих.

Рисунок Г. ВАЛЬКА.

ПРОРАБ: — Подай меня на третью секцию, там опять простой!

НА ГУСЛЯХ И БАЛАЛАЙКЕ

Посетитель положил на стол свои бумажки с записями и начал: — Я принёс вам, дорогой товарищ, тему для фельетона. Более того, у меня даже есть готовый заголовок: «На гуслях и балалайке». Можете воспользоваться, если желаете. Смысл этого заголовка расшифрую потом...

Дело в следующем. Я только что вернулся из командировки. Ездил на Донецкую железную дорогу. И вот с чем я там столкнулся.

Приезжаю в Ворошиловград, иду в отделение дороги. Спрашиваю:

— Где товарищ Ковалевский, начальник отделения?

— На совещании по поводу метода Короткова.

— А где товарищ Хорошко, начальник коммерческого отдела?

— На заседании: обсуждают метод Короткова.

— А скоро они освободятся, товарищи Ковалевский и Хорошко?

— Думаем, что скоро. Потому что о методе Короткова у нас уже говорят давно и много.

На другой день состоялась моя встреча с Ковалевским и Хорошко.

— Жаль, что вы опоздали, — сказал Ковалевский. — Интересное у нас было совещание. Три дня длилось. О методе Короткова.

— А наше заседание, — сказал Хорошко, — было почти молниеносным. Всего два дня. Но зато крепко посидели. Приняли развёрнутое решение — Коротков будет доволен.

Вдруг они оба, точно по команде, покосились на меня. Я сразу почувствовал, что меня подозревают в чём-то нехорошем.

— Послушайте, — промолвил Ковалевский, — а знаете ли вы, кто такой Коротков?

— Знакомы ли вы с его методом? — пристально глядя на меня, спросил Хорошко.

— А известна ли вам его биография? — присовокупил Ковалевский. Я твёрдо решил не кривить душой, а потому чистосердечно ответил:

— Нет, дорогие товарищи, ни на один из поставленных вами вопросов не смогу ответить.

Тогда они начали просвещать меня.

— Василий Никифорович Коротков — весовщик из Дарьевки. А Дарьевка находится в Дебальцевском отделении Донецкой дороги.

— Он новатор в своей области. Знатный человек на транспорте.

— Он инициатор внедрения метода уплотнённой и скоростной погрузки угля.

— Его метод способствует росту производительности труда, увеличению экономии.

— Чудесный метод!

— Замечательный!

Всё это очень заинтересовало меня. Я вынул из кармана записную книжку и карандаш и сказал:

— Скажите, будьте ласковы, как вы проводите в жизнь предложения Короткова? Как внедряете?

Они хором воскликнули:

— Не торопитесь записывать! Понимаете ли... Нет ещё у нас массового применения... Пока ещё только небольшой процент. Всё руки не доходят... Заседания, совещания, обмен мнений... По горло заняты. Но, повторяем, всё это очень прекрасно. Василий Коротков заслуживает всяческой похвалы! У нас готовятся его чествовать. У нас и в Дебальцеве... Ведь Дарьевка в Дебальцевском отделении... Ах, какой метод!

Через несколько дней мне пришлось побывать в Дебальцевском отделении Донецкой дороги.

— Что у вас нового? — спросил я тов. Ляшенко, начальника Дебальцевского отделения.

— Много нового, — ответил он. — Очень много нового. Один метод Короткова чего стоит!

— Ну, и что же вы делаете?

— Гордимся. Мы очень гордимся, — сказал тов. Мирошниченко, начальник коммерческого отдела. — Ведь он вырос у нас, в Дарьевке. А Дарьевка — это же в нашем Дебальцевском отделении. Мы его всюду избираем, товарища Короткова, — в комиссии, в президиумы

— А как насчёт его метода?

— Он прекрасно придумал. Удивительно! Понимаете ли, рост производительности труда, экономия, скоростность...

— Ну, а как внедряете?

— Как внедряем? Чего внедряем? Ага, понял. Как внедряем метод Короткова? Вопрос поставлен вами, мы бы сказали, очень интересно. Но в данный момент мы ещё не можем на него ответить со всей ясностью и чёткостью, потому что освоение и пропаганда замечательного метода Короткова находятся в стадии комплексного изучения и предварительной разработки в свете последних достижений...

Я ушёл, а Мирошниченко ещё долго говорил, потому что никак не мог закончить фразу.

Вот всё, дорогой товарищ, о чём я хотел вам поведать. Должен вам сказать, что Коротков и его начин заслуживают всяческого внимания.

Но есть, знаете ли, такая старая русская поговорка о человеке, разговаривающем бойко, но работающем скучно и вяло: «На словах, как на гуслях, а на деле, как на балалайке».

Поэтому я и предложил вам такой заголовок. Он очень подходит к некоторым работникам Донецкой дороги, которые бойко и многословно воспевают Короткова и его метод. А на деле никакого дела, только вялое треньканье.

Г. РЫКЛИН

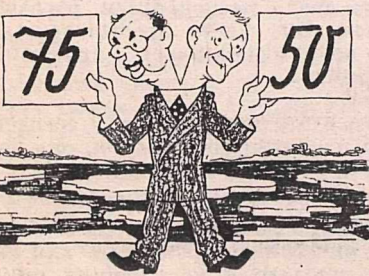
ВИЛЫ В БОК

ЛАДОЖСКИЙ ЛЕД

Ещё Пушкин, описывая одно из гидрометеорологических явлений, говорил:

«...взломав свой синий лёд,
Нева к морям его несёт...»

Много льда уплыло с той поры по Неве, а в нынешнем году особенно много. По случаю затяжного ледохода в газете «Вечерний Ленинград» появилась заметка

«Ладожский лёд» начальника сектора гидропрогнозов Бюро погоды тов. Медреса. Блестя эрудицией, он оповещал, что подобного ледохода за последние 75 лет ещё не было.

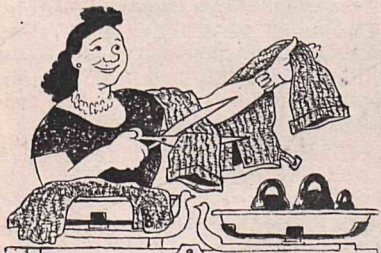
— Ого! — удивились ленинградцы.

На следующий день «Ленинградская правда» поместила заметку старшего инженера того же учреждения тов. Нежиховского, который авторитетно разъяснял, что подобное явление за прошедшие 50 лет наблюдается второй раз.

— Эге! — сказали ленинградцы, прочтя вторую заметку. — Свежи предания, а какому из них верить?

«НОВОСТИ ТОРГОВЛИ»

Недавно мурманская база «Главторгодежды» получила с Горюпецкой швейной фабрики партию товара. В одном из ящиков не хватило костюма. База предъявила иск. Фабрика запротестовала:

— Недостачи быть не может! Подсчитайте: средний вес одного мужского шерстяного костюма — 2 килограмма 022 грамма, умножьте на 31 штуку, получится вес, соответствующий накладной железной дороге! Значит, всё правильно!

Госарбитр Великолукской области тов. Малинова о самом серьёз-

ным видом приняла сторону фабрики и базе в иске отказала, утвердив, таким образом, новый способ торговли швейными изделиями.

Ей осталось только дать совет, чтобы в каждом магазине было вывешено примерно такое обращение к покупателям:

Смотри, покупатель, не верь этикетке,
Уже неприятность, быть может, близка:
А вдруг неостанет ста граммов жилетки
И даже почти полкило пиджака!
Так вот, покупая одежду на штуки,
Знай: могут обвесить у всех на глазах,
И ты непременно пальто или брюки
Прикинь, уходя, на контрольных весах!

ВЕСЕЛЫЕ СЮРПРИЗЫ

Когда руководящие работники города Каспийска прочитали 8 марта в своей газете, что орден «Материнская слава» и «Медалью материнства» у нас награждено более 40 миллионов женщин, они, конечно, изумились. Однако с редактором «Каспийского рабочего» А. С. Мусанабиевой решили, должно быть, праздника ради, не ссориться. Речь ведь шла всего об одном лишнем поле справа...

Прошло немного времени, и редакция опубликовала «к 135-летию со дня рождения» (так сказано было в подзаголовке) статью о видном государственном деятеле, который родился... в 1885 году. И опять, видимо, никто тов. Мусанабиевой настроения по-настоящему не испортил. И через некоторый срок газета порадовала читателей истинно сенсационным от-

крытием в биографии композитора Мусоргского:

«В 1558 году он порывает с отцом и временно бросает военную службу...»

Оказывается, Модест Петрович покинул военную службу без малого за 300 лет до своего рождения...

А совсем недавно читателям «Каспийского рабочего» поднесён был новый весёлый сюрприз: при тщательном рассмотрении очередного номера они обнаружили, что подпись, напечатанную на первой странице, следует отнести к снимку на третьей странице, и наоборот.

Говорят, когда номер вдруг случайно выдастся совсем без ошибок, руководящие работники города Каспийска даже удивляются:

— С чего бы это? Ведь мы как будто никаких мер не принимали, редактуру насчёт ошибок даже не намекнули...

В тресте «Котласлес» бюрократическую переписку заменили телефонными переговорами с леспромпхозами.

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

ЛЕСОРУБЫ: — Как же мы будем лес валить? Ведь тогда телефонная связь с трестом нарушится...

ПРЯМОЙ ВАГОН

Очень часто пролетают по этим краям поезда, и, кажется, можно бы уж стать равнодушным к ним, не обращать на них внимания. Но каждый раз, когда прозвучит, вырываясь откуда-то из-за горизонта, знакомый летучий гудок, неизбежно откликнется ему в полях чьё-то сердце...

Будь это в летнюю ночь, когда освещённые окна вагонов мелькают на далёкой насыпи, за морем пшеницы, или в солнечный день ласковой золотой осени, когда вагоны мчатся между пылающих багрянцем роц и посадок, — всегда кто-то пожелает поезду счастливого пути, чей-то добрый взгляд будет провожать вагоны от первого до последнего. Услышав раздолбный гудок, увидев нарастающую гриву белого дыма над степью, взглянут в ту сторону и весёлые девушки с плантаций, и тракторист со своего охваченного облаком пыли трактора, и задумчивый бригадир, который, покачиваясь в двуколке, объезжает далёкое поле...

* * *

Последним, в самый хвост поезда, прицепили так называемый прямой вагон. На узловых станциях его будут гонять по тупикам, перецеплять от одного состава к другому, пока не доберётся он в живописный городок Прикарпатья, который и значится сейчас на стандартной эмалевой табличке прямого вагона как его конечная остановка.

Жёсткий, плацкартный, он будет терпеть всё это ради своих пассажиров, ради того, чтобы ехалось им до самого конца удобно и спокойно, без хлопотных пересадок. Какой-то неизвестный железнодорожник, видно, так хорошо обмозговал всё, взвесил и учёл, выбирая для прямого вагона самый удобный маршрут.

Сегодня в прямом пассажирском было негусто — все верхние полки оказались свободными. Строгий, опытный проводник, ни на кого не глядя, уже успел каким-то образом всех запомнить и остался в целом доволен своими пассажирами. Не было как будто среди них ни слишком привередливых и неуживчивых, ни таких, которые, зазевавшись где-то в станционном буфете, отстают от состава, доставляя проводнику лишние хлопоты... Из сегодняшних полное доверие вызывали и девушки-ремесленницы — они, видно, отпросились из училища в гости домой, — и загорелый дядька в брезентовом плаще, ехавший по профсоюзной путевке в санаторий, и его соседка — высокая седая женщина, вежливая, с хорошими манерами, похожая на учительницу... Правильно проводнику и шуточные хлопцы-командированные: войдя в вагон, они сразу засели играть в домино, стуча костяшками по столу, как кованые кони копытами по мостовой. Но больше всех понравился хозяину вагона бравый, черноусый, неразговорчивый капитан, сидевший у окна, положив напротив «авоську» с разноцветными детскими мячами.

Не совсем по душе проводнику была лишь молодая пухленькая блондинка с капризными замашками. Она ехала в санаторий в сопровождении своей матери, и мать ласкательно называла её Фросенькой. Старушке всё время приходилось крутиться возле неё, нянчиться с ней, как с малым ребёнком. Не понравился проводнику вид её: какой-то сонный, помный, болезненный... Но в конце концов отношение проводника к пассажирам не могло зависеть от его симпатий или антипатий; на время дороги все они были равны перед ним, всех он, хмурый и нахо-

лившийся, как петух, молча брал на время под свой надзор, под своё крыло.

Как только поезд вышел за семафор, проводник притащил Фросеньке постель. Сте- лить взялась Фросенькина мать, непоседливая, приветливая бабушка в чистой беленькой косынке и в солдатских новых сапогах.

— Куда тебе, Фросенька, головой?

— Давайте к двери, — лениво пожелала дочка. — От окна, кажется, дует, и копоть залетает...

— Ладно, ладно...

И мать с радостью выполнила волю дочери.

Взять постель себе мать отказалась, сказав, что посидит и так.

— Может, радио вам выключить? — предложил Фросеньке проводник, когда она, поохав, улеглась наконец.

— Нет, не надо, — расслабленным голосом возразила она. — Я буду слушать.

Через несколько минут выяснилось, что лучше всё-таки было бы ложиться головой не к двери, а к окну.

— Так мне глаза режет, — пожаловалась Фросенька.

— Может, тебя, Фросенька, чем-нибудь укрыть?

— Нет, лучше перестелить...

Фросенька поднялась, а мать моментально перестроила ей постель на новый лад.

В вагоне тем временем уже завязывались знакомства, легко и непринужденно складывались дорожные, простые товарищеские отношения. Дорога, как всегда, быстро сближала людей.

Дядька в плаще оказался удивительно компанейским человеком и, свободно шагая по вагону, веселил всех своими смешными историчками. Кондуктор был, наоборот, настроен на серьёзный лад и, суетясь между пассажирами, нацеливал их внимание на радио, требуя от них культурных заказов и уверяя, что радиоузел имеет большой выбор пластинок. Заказывали главным образом девушки-ремесленницы, а из взрослых на агитацию кондуктора покамест поддался лишь черноусый капитан. Однако, судя по всему, тут сошлись упрямые, неподатливые характеры. Дважды заказывал себе капитан арию Сусанина и дважды уже — из-за отсутствия на радиоузле этой пластинки — ему исполняли арию Ленского.

Фросенькина мать, пользуясь тем, что дочка задремала, тоже подседала к соседям. Она с радостью приняла её в свой кружок. Улыбаясь, обветренная, словно только что с поля, она держалась со всеми как-то особенно доверчиво, будто встретила в каждом из пассажиров своего давнишнего знакомого или даже родственника.

Вскоре уже весь вагон знал, откуда бабушка едет и в какой санаторий сопровождает она дочь. Знали также, что жила она до войны с сыном, а теперь живёт у зятя, офицера пограничной службы, который тоже жалеет, не обижает старую.

— Когда приезжает в отпуск с заставы, никогда и меня не забывает, — хвалилась бабуся. — Вот, видите, и сапоги он привёз... яловые, неизносимые...

Улыбаясь, рассказывала, что в молодости натерпелась от покойного мужа. Возвращаясь домой, он не раз бывало даже бил её, а пассажирам при этом никак не представлялось, что кто-то мог бы поднять руку на неё, такую добрую, ласковую, приветливую.

Сын погиб на фронте где-то в районе Великих Лук.

— Радистом он был, Василёк мой, — говорила бабушка, почему-то обращаясь прежде всего к капитану. — Имел такую радио-

станцию, что на спинах носят... Пришло из военкомата извещение, что так, мол, и так... А мне, вы знаете, не верится, всяко передумаешь вечерами, — как-то жалобно, виновато улыбнулась бабуся. — Может, думаю, ошибка какая-нибудь получилась, может, он где-нибудь есть в госпитале или ещё где. Вот так и жду изо дня в день... Девятый год жду.

Помолчали в задумчивости пассажиры. Пело радио, ритмично постукивали колёса.

— Скажите, разве и взаправду не могла получиться какая-нибудь ошибка? — с надеждой спросила бабуся капитана. Видно было, что не ему первому задаёт она свой неизменный материнский вопрос.

Что ей можно было ответить? Пробормотав про себя что-то неразборчивое, капитан нахмурился и отвёл взгляд в сторону, к окну.

Блестели на солнце пожелтевшие деревья. Двигался полем тракторный агрегат, окутанный тучей пыли, и галки, ища поживы, шли за ним подлётом...

— Дождичка бы надо, — сказал один из молодых командированных. — Дождичка, дождичка...

Фросенька спала беспокойным, расслабленным сном. Она часто просыпалась, и каждый её подъём начинался с протяжного восклицания:

— Ма-а-ма!

Если мать в это время была у соседей, то, вскочив на ноги, как молодая, она быстро спешила к своей Фросеньке.

— Я здесь, Фросенька... Что тебе?

Оказывается, Фросеньке просто хочется узнать, где они сейчас проезжают или какие яблоки продаются на здешних станциях.

Странные отношения дочери и матери вскоре были уже в центре разговоров всех пассажиров вагона.

— Нет, просто невозможно, — тихо возмущалась седая женщина. — Только и слышишь оттуда «мама» да «мама»... «Мама, укройте», да «Мама, раскройте»... Даже если бы она была больной, и то нельзя с родной матерью вот так... Нет, это эгоистично, бесстыдно! Она просто-напросто эксплуатирует материнскую безграничную доброту!..

— Вы, товарищ кондуктор, должны сделать ей замечание, — внушали проводнику ремесленницы, — должны повлиять на неё от имени всех нас! В конце концов в вагоне тоже не сброд какой-нибудь, а коллектив, и с его мнением она должна считаться!

Кондуктор поддакивал с таким пристыженным, смущённым видом, будто и на нём лежала доля ответственности перед пассажирами за Фросеньку, за её эгоистическое отношение к матери.

— Что ж, — бормотал он, нагнувшись к ушам, — надо бы попробовать...

И всё же не пробовал. Кто его знает, дано ли ему право вмешиваться в такие дела? Тем более, что и капитан с орденами покамест отмалчивается, и трудно было по нему угадать, поддерживает ли он или, наоборот, осуждает дядюшку в плаще и парней-командированных, которые уже вообще в юмористическом духе комментировали Фросенькино поведение:

— Прикидывается больной да слабой, а вы видали, как она ест? — митинговал дядюшка. — За доброго мужчину справится!

И верно, Фросенька ела часто и аппетитно, а чтобы выбрать себе к обеду жареную курицу, даже не поленилась сойти на одном из полустанков на перрон. Ребята откровенно пересмеивались, следя, как Фросенька в халате, небрежно причёсанная, прохаживалась внизу, собственноручно выбирая птицу.

Пообедав, Фросенька снова уснула. Бабуся некоторое время сидела над ней, только, кажется, того и дожидаясь, чтобы доченьке ещё чего-нибудь захотелось, чтобы можно было быстренько встать и подать.

— Охраняет наша бабуся, — сочувственно переговаривались между собой пассажиры. — Чтобы случайно на Фросеньку пылинки не села...

В вагоне укачивало. Покараулив дочь, бабуся утомлённо оперлась на узел и тихо задремала.

Первым заметил это, проходя мимо, капитан.

— Ша! — цыкнул он тут же на компанию, которая играла в домино. — Мать прилегла... Спит!

Командированные хлопцы сразу же перестали стучать костяшками по столу.

В одну минуту уже весь вагон знал, что мать прилегла, что мать уснула, согнувшись, на скамье.

Выключили радио.

Начали тише разговаривать.

Каждый старался пройти мимо купе матери на цыпочках.

— Она и прошлую ночь вряд ли спала, — объяснял кондуктор пассажирам, сбившимся в проходе. — У них же была пересадка.

Седая женщина забеспокоилась:

— Под голову ей бы что-нибудь подложить!

Но ребята удержали её:

— Не трогайте, не тревожьте, пусть спит...

Даже машинист паровоза, будто ему было уже передано об этом происшествии, стал теперь легче дёргать вагоны.

А мать, видно-таки, совсем выбилась в прошлую ночь из сил. Спала на своём кулаке крепко, сладко, по-детски улыбаясь во сне. Не услышала даже, как Фросенька проснулась вскоре и, лежа лицом к стене, даже не поворачиваясь, подала голос:

— Мама...

Мать спала, не слыша, не отзываясь.

Фросенька позвала вторично, на этот раз требовательнее, громче:

— Мама!

— Шшш! — шикнул на Фросеньку появившийся откуда-то капитан. — Она... спит.

Фросенька повернулась от стены крайне удивлённая. Мать, согнувшись, спала напротив. С прохода из-за капитановых плечей, нависали в купе притихшие, взволнованные пассажиры. Поглядывали на Фросеньку неприязненно, осуждающе.

— Чего вам нужно? — овладев собой, проговорила наконец Фросенька. — Товарищ проводник... Где вы, проводник?

— Тише! — вдруг властно прервала Фросеньку седая женщина. — Мы осуждаем ваше отношение к матери, слышите? Ну что, говорите, вам нужно, что вам подать? Я всё сделаю, принесу, подам вместо неё, только её не трогайте, бесстыдница вы этакая!

— Не хочу я ваших услуг, я зову маму!.. Она моя мать, моя, моя, вы это понимаете? — визгливо выкрикнула Фросенька.

— Простите, — негромко возразил капитан, — но она не только ваша... Она, в известном смысле, и наша тоже...

— Как это ваша?

— А так, что всем нам она дорогая и близкая.

— Вы грубиян! — крикнула Фросенька капитану и отвернулась к стене. — Уйдите прочь, оставьте меня в покое!..

Пассажиры отошли от неё, но всё-таки не расходились, держались кучкой вблизи, в проходе, разговаривая вполголоса то и дело поглядывая на мать, словно оберегая

её от Фросеньки. Фросеньку раздражало то, что пассажиры не расходятся, перешёптываются, а ремесленницы даже прыскают со смеха... Ещё казалось Фросеньке, что спутники набросились на неё несправедливо, что они лезут не в своё дело, и всё же ни разбудить мать, ни поднять её Фросенька так и не отважилась... Нет, не испугалась она никого и ничего, а просто так... решила обойтись.

Не спалось ей. Фросенька полежала, переворачиваясь с боку на бок, и вскоре встала, поправила постель и, подсев к окну, даже приукрасилась немного. После всего, что случилось, ей было теперь как-то неудобно смотреть, что мать спит напротив — на голой скамье, на кулаке, в сапогах...

Когда мать проснулась, она даже озарилась радостью, увидев против себя свою дочь причёсанной, прихорошившейся.

— Фросенька, ты сидишь? Тебе лучше?

— Вроде лучше... Взяли б вы вот, мама, себе хоть подушку...

— Василько мне приснился... Ах, если бы сон досмотреть!.. Будто пришёл и стал там, в дверях...

Улыбаясь, мать снова задремала.

* * *

Спала мать.

Покаживали пассажиры вблизи, неслышно, осторожно, словно на страже. А за окном летела и летела в солнце, в ярких багряницах подольская золотая осень.

Перевод с украинского
И. КАРАБУТЕНКО.

Рисунки Л. ГЕНЧА.

ТОЛЬКО И ВСЕГО

— Опять вы забыли о передаче опыта!
— Что вы! Мы о нём только и говорим...

— На червячка не берёт — возьмём на мушку!

ИЗ НАПЕЧАТАННОГО

ЗВЕЗДА

«ИСТОЧНИК ПОВЫШЕННОЙ ОПАСНОСТИ»

10 мая этого года в посёлке строителей Камской ГЭС случилось чрезвычайное происшествие, приковавшее к себе внимание многих местных организаций. Шофёр Дусманов, проезжая по улице Шакинской, придавил двух кур. Одна из кур, как говорится, немедленно отдала богу душу, а другая ещё судорожно цеплялась за жизнь, когда в одиннадцатое отделение милиции явился пожилой грузный мужчина.

Официальный протокол, составленный без промедления, с грустью повествует о сём печальном событии:

«Шофер Камгэсстроя Дусманов грубо нарушил правила уличного движения, жертвой чего явились две курицы, принадлежащие гражданину Леонтьеву Михаилу Владимировичу».

И хотя шофёр написал на протоколе, что он ехал с нормальной скоростью в 15—20 километров и «никаких курей не видал», документальная литература обогатилась постановлением о взыскании с Дусманова штрафа в сумме 35 рублей за езду на недозволенной скорости.

А ещё через полчаса Михаил Владимирович Леонтьев уже сидел в приёмной народного суда первого участка Заозерского поселково-

го совета, живописуя горестную кончину своих несчастных курочек. Свой рассказ он облёл в форму искового заявления:

«Прилагая при сём акт от 10 мая сего года о несоблюдении правил уличного движения шофером автоуправления Камгэсстроя Дусма-

новым, прошу привлечь его к ответственности и возместить мне убытки в сумме 100 рублей за раздавленных им двух кур».

Прочитав заявление, технические работники суда робко посоветовали пострадавшему:

— Вы бы попытались решить дело без суда, переговорили бы с владельцем автомашины, управлением строительства, а то ведь судиться со стройкой из-за двух кур — это курам на смех.

— Что значит курам на смех? Сто рублей на улице не валяются.

Тут бы вмешаться в разговор народному судье Евсеенкову, уговорить Леонтьева не начинать судебную тяжбу. Но судья начертал на заявлении:

«Завести дело слушанием на 18 мая 1954 года. Вызвать истца, ответчика, свидетелей Семёнова и Андреева».

Так родилось судебное дело № 2-366, дело о двух раздавленных курах. И канцелярская машина завертелась со скоростью, превышающей скорость автомобиля Дусманова в тот злополучный день. Представители автоинспекции были, однако, на сей раз неправомочны вмешиваться в её бег. Повестки с вызовом в судебное заседание летели истцу и свидетелям, ответчику и владельцу автотранспорта — управлению Камгэсстроя.

С ПОДЛИННЫМ СКВЕРНО

ХОЛОДНАЯ ШТАМПОВКА

Вот пишем обо всём этом и опасаемся: а вдруг тов. Фредерикс и нам такой же ответ отштамует... даже без фондов на штамповочную краску!

КАК НИ СТРАННО, НО...

...руководители Смоленского спиртного завода, не замечая богатых залежей торфа у себя под ногами, разглядели этот вид топлива на расстоянии 300 километров — в посёлке Дорохово, Верейского района, Московской области, — и почему-то решили возить его оттуда машинами.

Так дальновзоркость порой сочетается с хозяйственной близорукостью!

Заместитель начальника Росглавмедснаб тов. Фредерикс весьма исправно отвечает на поступающую к нему корреспонденцию. Получил он, например, от Новгородского аптекоуправления запрос о возможности приобретения трёх кассовых аппаратов и без особого промедления ответил, что фондами штамповочной краски не располагает. Получил разъяснение заказчика, что тот просит не краску, а кассовые аппараты, и снова ответил:

«...удовлетворить Вашу просьбу о выделении штамповочной краски не имеем возможности из-за отсутствия фондов...»

КОШМАР БРАКОДЕЛА...

Рисунок М. ВИТНОГО.

...или вещи говорят сами за себя:

ЗАМОК: — Я вами сделан? Не отпирайтесь, ведь я же не отпираюсь. ЧАШКА: — Чаша моего терпения переполнилась... Чувствую себя не в своей тарелке... КИСТОЧКА ДЛЯ БРИТЬЯ: — Ни на волос не солгу: это по вашей милости я лысею... РАСЧЕСКА: — У меня зуб на зуб не попадает, но вас за это по головке не погладят.. ШЛЯПА: — Вы слишком переоцениваете мои качества: не такая уж я шляпа! БОТИНОК: — Нет, не дойти мне до потребителя: ваша работа мне в подметки не годится. ГАЛСТУК: — Если бы я был так же ядовит, как моя расцветка, вам бы от меня не поздоровилось...

Суд заседал по всей форме. Говорил истец, который ещё не вполне оправился после перенесённого удара. Затем был допрошен ответчик. Когда все детали дела были выяснены, суд удалился на совещание для вынесения решения, которое нельзя не процитировать:

«Суд нашёл, что машина ехала с повышенной скоростью и совершила наезд на ходивших по дороге кур, ввиду чего истцу Леонтьеву причинён ущерб в сумме 100 рублей. Суд считает исковое требование обоснованным и подлежащим удовлетворению, так как автомашина относится к источнику повышенной опасности. Суд решил: взыскать с Камгэсстроа в пользу Леонтьева М. В. сумму 100 рублей и гостпошлину по делу в пользу истца в сумме 3 рублей, предоставив Камгэсстроу право предъявления регрессного иска к виновным лицам».

Правосудие свершилось. Облегчённо вздохнув, истец Михаил Владимирович Леонтьев ушёл к себе на работу. Весь день его не покидало благодушное настроение. Лишь в конце дня в кабинет к нему, как к главному бухгалтеру управления подсобных предприятий, вошёл работник управления строительства.

— Беда, товарищ Леонтьев! По данным последней инвентаризации, на ваших складах недостаёт 25 тысяч тонн щебёнки.

— Ну и что за беда?

— Да, но ведь щебёнка стоит миллион двести пятьдесят тысяч рублей.

— Эка важность миллион для такой стройки!

— Как бы там ни было, а ведь его куда-то списать надо.

— И спишем на Южно-Чусовской каменный карьер как недогруз. У них прибылей много.

На этом разговор был окончен. Михаил Владимирович быстро сложил папки в стол и отправился домой. Зайдя во двор, он тщательно пересчитал сновавших по двору кур и, удостоверившись в их полной сохранности, занялся подсчётом снесённых ими за день яиц. Результаты этих подсчётов он записал в специальную книжицу, озаглавленную «Приход и расход яично-птичной продукции». Быстро пробежав колонки цифр и сравнив приход яиц с результатами утреннего прощупывания кур, он вдруг побледнел. Одного яйца явно не хватало. «Опять кто-то нашкодил!» — подумал Михаил Владимирович.

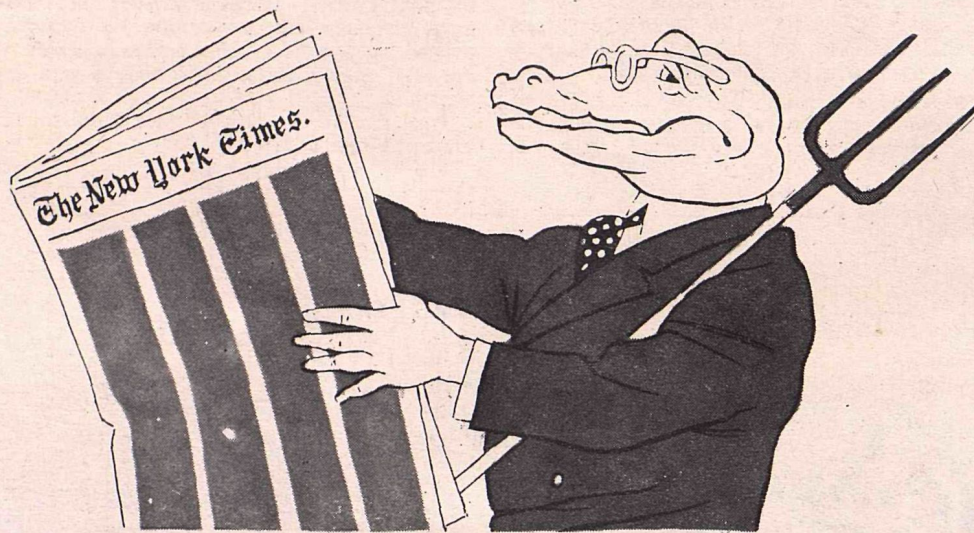
...Нет, ошиблись граждане судьи в своём решении. Не машины относятся к источнику повышенной опасности. Настоящий источник повышенной опасности надо искать в людях, подобных Леонтьеву, которым собственная курочка-ряба дороже интересов государства.

Ник. ПЕРОВ

«НОРМАЛЬНОЕ ПРИСПОСОБЛЕНИЕ»

МОЙ ОБЗОР АМЕРИКАНСКОЙ ПЕЧАТИ

Есть слово, которое в США не рекомендуется произносить даже шепотом.

«Помяни чёрта — и он явится!» — гласит английская поговорка.

С гуманной целью успокоить расшатанные нервы финансовых акул американские экзистенцисты и газетчики, не щадя своих умственных способностей, составили специальный словарь. Состоит он из деликатнейших выражений и пёстрых синонимов, позволяющих обходить окаянное, застревающее в горле словцо «кризис».

В словаре мы найдём «спад» и «перестройку», «корректирование» и «регулирование», «понижительную тенденцию» и «нормальное приспособление», «падение», «затишье» и так далее, до бесконечности. Любителям квазинаучной терминологии преподносятся такие перлы, как, например, «встряска, вызванная переменными факторами экзогенного порядка».

На утешительном эфире-валериановом жаргоне изъясняются и политики и бизнесмены.

Спад будет лишь таким, какой нужен американскому правительству, вещает сенатор Ноулэнд, один из авторов теории своеобразного «эластичного кризиса».

Спад общего уровня производства в США составит только семнадцать процентов, изрекает вице-президент «Дженерал электрик» Джон Бизи, выступая среди своих — в тесном кругу «Американской ассоциации управляющих предприятиями».

Впрочем, в последнее время число бравых предсказателей стало заметно сокращаться. Ни противокризисные мероприятия, ни восхваляемая на все лады практическая трезвость американцев, ни щедро финансируемая кампания борьбы с пессимизмом не приносят успехов и не дают успокоения.

А тут ещё из-за океана слышатся тревожные голоса. Например, английский экономист Колин Кларк полагает, что американские бизнесмены уже «играют на краю вулкана».

Но и на этом горячем месте доверенные лица монополистов продолжают успокаивать самих себя и своих, так сказать, одно-вулканников.

Как рассказывает журнал «Бизнес уик», министр торговли Синклер Уикс, выступая перед тщательно подобранной аудито-

рией, даже громогласно предложил «пару, что в США не произойдёт депрессии». Спектакль был отрететирован хорошо: аудитория вежливо промолчала. А «Бизнес уик» поспешил торжественно выдать этот фарс за свидетельство «растущего чувства здорового оптимизма!»

Но что же скрыто за этими газетно-журнальными сальтомортале там, в недрах американской экономики?

В Буффало бездействует половина мартемов. На одну треть сократилось производство стали в сравнении с прошлым годом. Всё бледнее становится зарево над открытой крышкой ада, как зовут американцы город стали — Питтсбург.

Сто наших судоверфей медленно сохнут на корню, горько сетует в газете «Уолл-стрит джорнэл» секретарь-казначей «Американской ассоциации судопромышленников и ремонтников» Джером Хили.

Около полутора тысяч крупных компаний выбрасывают рабочих за ворота.

Армия безработных и полубезработных растёт, как снежная лавина. Сейчас их уже около пятнадцати миллионов. Каждый американский рабочий засыпает и просыпается в страхе перед всё новыми и новыми списками увольняемых.

Всё больше в Америке мест, помеченных мертвящей эмблемой — буквой «Е». Этой безобидной литерой обозначаются районы горя и страданий — «зоны безработицы».

Кое-где останавливаются заводы, кое-где увольняют рабочих, скороговоркой признаётся орган монополистов «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт».

В благодатной Калифорнии разорившиеся фермеры вешаются на цветущих персиковых деревьях. Они гибнут потому, что не знают, как бороться с безжалостной «понижительной тенденцией».

Кризис набирает силу. Держись, Джонни! Затяни потуже пояс, Чарли! Опять будут сжигать золотую пшеницу, выбрасывать в море мясо, обливать ядовитой синькой картофель. Опять голод, болезни и смерть закружатся в бешеной пляске. Снова вместо хлеба голодных будут угощать свинцом и слезоточивыми газами.

«Процветание» — этот крикливый заголовок американских газет давно отшумел и исчез с их полос. Жизненный уровень «среднего американца» опускается всё ниже и ниже среднего уровня.

«Фактически рабочим в Баури (район Нью-Йорка) платят по 10 центов в час при

12-часовом рабочем дне», — пишет в своём письме американец, который, хорошо зная нравы ФБР, пожелал остаться неизвестным.

Да, тут не разгуляешься! В убогой харчевне, отдав весь такой сказочный заработок (не за час, а за целый день!), можно получить яичницу. Но запить её будет, пожалуй, не на что.

А рядом с Баури, на Уолл-стрите, дым коромыслом:

— После нас хоть потоп!

Так, подражая Людовику XV, рассуждают короли бизнеса — миллионеры и мультимиллионеры.

Конечно, кризис не исключает возможности получения новых сверхприбылей. Но всё же более вероятны шансы сломать голову.

Представим себе на минуту всех американцев, волей или неволей живущих в одном огромном доме, построенном в стиле «загнивающий ампир». По-всякому, конечно, они живут: кто в подвале, кто в хоромах, кто на холодном чердаке. И вот в этом доме, который похвально своим богатством, сейчас мечется тревога.

Где же спасение?

Самой надёжной противокризисной сывороткой лейб-медики Уолл-стрита считают войну.

Мы не можем выдержать мира, визжит «Бостон геральд», мы боимся войны, но кризиса боимся ещё больше!

В детстве многие принимают за чистую монету совет: чем ушибся, тем и лечись. Трудно, однако, предположить, что взрослый человек, стукнувшись о дверной косяк, захочет ещё раз, уже с медицинской целью, треснуть об эту архитектурную деталь.

А вот хозяева однобокой американской экономики, изуродованной гонкой вооружений, ищут исцеления в той же гонке.

Расходы на вооружение останутся большими, испускает ликующий вопль «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», миллиарды долларов потекут в промышленность на оплату военных заказов. Это значит, что дельцы не потеряют почву под ногами.

Утопающий хватается не только за соломинку. Протяни ему нож, утверждает другая народная поговорка, — он и за нож схватится.

Дяде Саму никто ножа не протягивал. Он сам предусмотрительно зажал его в руке и сейчас деловито примеривается, в чью бы спину всадить.

Индо-Китай? Снова Корея?

Если результатом кризиса в Азии явится война, прикидывает «Нью-Йорк уорлд телеграм энд Сан», ослабление деловой активности прекратится довольно быстро.

Прекращение огня в Индо-Китае не входит в расчёты правящих кругов США, вносит полную ясность «Нью-Йорк таймс».

Кустари-людоеды были бы шокированы наглостью, с какой американские газеты подстрекают к убийствам с целью грабежа. Так называемая «политика оскаленных зубов», она же «политика с позиции силы», все эти блоки и базы, лисынманы и чанкайши — вещи не очень смешные и совсем уж не умные.

Однако нужно сказать, что на пути к осуществлению уголовно наказуемых планов ликвидации кризиса стоит масса препятствий.

Часть из них внутренние, семейные. Даже барабанщик агрессии журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» вынужден признать: американцы не желают принимать никакого участия в индокитайской войне.

А главное — непреодолимая сила свободолюбивых народов, преграждающих дорогу войне.

Волчья мечта Уолл-стрита содрать семь шкур со всего человечества не сбудется. Эпоха безнаказанных грабежей канула в Лету.

Поэтому-то и сползает с физиономий бизнесменов стандартная улыбка процветания.

МОРИС ЛЕЙТЕ У МИКРОФОНА

Переплюнул

Известный в буржуазных кругах английский журналист и радиокорреспондент Алистер Кук командирован редакцией газеты «Манчестер гардиан» в Соединённые Штаты. В своём последнем выступлении он отважился коснуться наболевшего вопроса американско-европейских взаимоотношений. Правда, выступил он, блюдя свою персональную безопасность, не в прессе и даже не по радио, а всего лишь перед выпускницами одного американского женского колледжа. Явно недооценивая возможные последствия своего выступления, он так развязал язык, что даже осмелился заявить:

«Я думаю, что вы представляете собой первое поколение американцев, которым придётся отказаться от удовольствия задира́ть нос перед англичанами, сожалеть о французах и смеяться над итальянцами... Вам придётся учиться завязывать новые отношения с континентом и относиться к европейцам, как к равным».

Не менее известный в тех же буржуазных кругах лондонский радиокорреспондент Морис Лейте проведал об этом выступлении. Преподнеся для начала своему коллеге комплимент в том духе, что он, дескать, занимается за океаном полезным делом «перевоспитания американцев», Лейте, однако, решительно разошёлся с ним в выводах. Призывая англичан «признать свою вину (!) и осуществить необходимость подобного перевоспитания и по эту сторону Атлантики», Лейте уговаривал слушателей:

«Сейчас необходимо понимание американского образа жизни и американского народа такими, каковы они есть».

Американский народ, разумеется, здесь ни при чём. Просто Лейте призывает засидевшихся за океанских гостей: продолжайте, мол, в том же духе, стройте базы в Западной Европе, несите американский образ жизни во всей его покоряющей силе и красоте. Не стесняйтесь, задирайте носы, хулиганьте. Доллар с вами!

Так один из ведущих комментаторов лондонского радио переплюнул своего собрата-соотечественника и убедительно продемонстрировал, что иногда он расходится с ним принципиально.

Очень просто

В одном из своих эфирно-клеветнических выступлений Морис Лейте раздражённо сказал: «Одного я не могу понять: почему это каждую демократическую группировку, например, Северо-атлантический союз, клеймят как группировку, преследующую империалистические цели агрессии и подготовки войны?»

Принимая во внимание сугубо деловой характер такой постановки вопроса, спешим ответить Морису Лейте: северо-атлантическую «демократическую» группировку клеймят именно потому и за то, что она действительно преследует империалистические цели агрессии и подготовки войны.

А чтобы убедиться в этом, Морису Лейте достаточно перечитать недавнюю откровенно поджигательскую речь генерала Грюнтера. Он ведь, как-никак, главнокомандующий вооружёнными силами Северо-атлантического союза.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

В Австрию приехал якобы для отдыха сын Папена — один из ближайших приспешников Гитлера.

ПАПЕН В АВСТРИИ

- Как думаете отдыхать?
- Видите, у меня есть кое-какие планы...

Коротко, но ясно...

УЛОЖИЛИСЬ В РЕГЛАМЕНТ

На днях депутаты турецкого меджлиса (парламента) автоматически вскинули руки, ратифицируя агрессивный пакт Турция — Панистан, начертанный американской автоматической ручкой.

По сообщению любознательного корреспондента агентства Рейтер из Анкары, ратификации предшествовали «пятнадцатиминутные прения». Проворные ораторы, сменявшие друг друга с быстротой марионеток кукольного театра, отчаянно состязались между собой в пресмыкательстве перед госдепартаментом США.

Впрочем, пятнадцатиминутный регламент, слущенный Вашингтоном, не был превышен. Вот что значит длительная пранктика!

СНОВА НА СЦЕНЕ

Австрийское агентство печати сообщает, что руководителем кафедры театроведения Венского университета назначен Гейнц Киндерман, занимавший этот пост в период гитлеровской оккупации Австрии.

Удивительного в таком акте ничего нет: по планам правящих кругов Австрии, не только в государственном аппарате и в полиции, но и в университетах должны быть «свои люди», единомышленники, так сказать.

Киндерман — пропагандист аншлюсса, бывший заядлый нацист, автор многих книг, восхваляющих Гитлера. В своё время он даже не стеснялся называть фюрера «гениальным».

Судя по всему этому, осталось только переименовать кафедру театроведения в кафедру аншлюссоведения.

Генеральный секретарь японской федерации труда г-н Кога проводил обычное совещание профсоюзных главарей. Обсуждался вопрос, как сорвать очередную забастовку рабочих электропромышленности. Было много речей и мало результатов. Внезапно на столе г-на Кога зазвонил телефон.

— Кога слушает... Да... Конечно, само собой!.. Сию минуту!.. Не прошло и получаса, как ис-

полнительный профлидер уже стоял навытяжку перед багровым чиновником американских оккупационных властей и с истинно самурайским благоговением ел глазами начальство.

— Господин Кога,— жёстко говорил чиновник,— известно ли вам, что в ваших профсоюзах творятся беспорядки?

— Да, сэр.

— Вместо того чтобы помогать нам укреплять военную мощь ваших островов, рабочие бастуют...

— Да, сэр.

— ...А в профсоюзах сильно влияние коммунистов...

— Да, сэр.

— ...И многие профсоюзы, вместо того чтобы защищать интересы предпринимателей, держат сторону рабочих...

— Увы, сэр.

— Так куда же вы смотрите, чёрт побери?! Американская федерация труда, Конгресс производственных профсоюзов — вот у кого стбит поучиться. Там сидят настоящие парни. Им, конечно, хорошо платят, но и они сил не жалеют.

— Да, сэр, но ведь это в Америке...

— А вы и подумайте о создании здесь у вас, ну, скажем, какого-нибудь подобного нашему профсоюзного конгресса.

— Осмелюсь доложить,— просил Кога,— название уже готово: «Японский профсоюзный конгресс»!

— О'кэй! Но предупреждаю, что это должен быть настоящий конгресс — без всяких шатаний, без всякой политики.

— Слушаюсь, сэр.

В ту ночь г-н Кога спал и видел чудесный правопрофсоюзный сон.

Снилось ему, будто все профсоюзы Японии уже вошли в «Японский профсоюзный конгресс», а сам конгресс — в жёлтую «Международную конфедерацию свободных профсоюзов». Забастовок нет в помине. Правда, время от времени рабочие, несколько недовольные неуклонным снижением жизненного уровня, проводят собрания и требуют увеличить заработную плату на 0,01 процента. А лидеры под бурные аплодисменты соглашаются о этом требованием, демонстрируя тем самым свою преданность интересам рабочего класса. Более того, по настоятельной просьбе самих рабочих отменены всякие выходные и праздники. Ведь теперь весь смысл их жизни в том, чтобы увеличивать прибыли монополий. И, между прочим, на банковском счету г-на Кога уже значится кругленькая сумма...

Проснувшись, г-н Кога сладко потянулся и хотел включить свет. Света не было. Г-н Кога оделся, вышел на улицу и тут же столкнулся с разносчиком газет. Размахивая пачкой свежего выпуска «Асахи», он кричал:

— Новая забастовка железнодорожников! Крупная забастовка работников городского транспорта! Мощная забастовка электриков! Сообщение нью-йоркского радио: создан «Японский профсоюзный конгресс»!

Впустую протоптавшись с час на трамвайной остановке, г-н Кога уныло поплёлся на очередное заседание своих профсоюзников. На повестке дня стоял всё тот же проклятый вопрос: о ликвидации всех и всяческих забастовок.

Вопрос о лопнувшей трубе

В цехе лопнула водопроводная труба, и вода ударила вверх мощным фонтаном. Фрезеровщик Бела Фабула бросился к трубе и инстинктивно наступил на неё ногой в месте разрыва. Он сдерживал фонтан до тех пор, пока звонок не возвестил о начале экстренного совещания.

— Товарищ Фабула, это и вас касается,— строго сказал начальник цеха.— Оставьте эту трубу, не раздумывайте, а идите, ведь речь идёт о существовании цеха. Как раз в таких случаях и проверяется на практике, для кого завод — кровное дело.

Председатель озабоченно приводил в порядок свои записи, кое-где дописывая, кое-где исправляя, а собравшиеся с вниманием следили за ним. Мёртвую тишину нарушали лишь плеск и шум вырывающейся из трубы воды. Помолчав немного — и подчеркнув тем самым всю серьёзность создавшегося положения,— председатель наконец заговорил:

— Товарищи! Цеху грозит колоссальная опасность. Да! Убытки могут намного превзойти любые наши ожидания. Надо что-то предпринять. Прошу высказывать соображения и предложения. Пусть выступит каждый! Прошу!

Первым выступил Бела Фабула. Он был предельно деловит.

— Товарищи, я предлагаю заткнуть дыру в трубе промасленной тряпкой и держать так, пока не прибудет слесарь. Но это, конечно, кустарщина, а не подлинное решение вопроса. Лопнувшая труба — это, товарищи, в ведении отдела охраны имущества. Пусть каждый занимается тем, чем ему положено заниматься по должности! Кстати, именно об этом я уже говорил на занятиях по техминимуму. Товарищи, пользуясь случаем, обращаюсь к тем, кто ещё не уплатил членских взносов. После обеда можете заплатить. Только не приходите все сразу, как в прошлый раз, а по одному. Я кончил, товарищи.

Он сел, а председатель обратился к собравшимся:

— Кто имеет слово? Пожалуйста, товарищи, пожалуйста, не стесняйтесь. Товарищ Фабула высказал целый ряд правильных положений, которые можно принять за основу, но в его речи были и спорные моменты... Товарищ Песмете? Пожалуйста.

— Товарищи! Я думаю — хотя это и не относится непосредственно к лопнувшей трубе,— что нам ни в коем случае нельзя забывать о провинции, о деревне, о небольших хуторах, разбросанных по всей стране, куда вслед за телефоном пришла анушерка, а из вновь пробитых артезианских труб... колодцев хлынула ледяная вода. Товарищи, я хочу сказать о том, что для нас важно и то, чтобы жирность молока была как можно выше и чтобы трава ни на одном клочке земли не осталась нескошенной, даже на склонах оврагов! Нельзя также забывать и о потерях семян при посевах... Всё важно!

Затем попросил слова Хуго Чигойя. Он считал себя поэтом и уже приготовился доказать всем, что может мгновенно подбирать рифмы, как это и подобает руководителю заводской частушечной бригады.

Однако в эту минуту председатель поднялся и сказал:

— Прошу прощения, товарищ Чигойя, но, к сожалению, я должен поставить присутствующих в известность, что меня уже до колен залило водой. Я предлагаю перейти в другой цех, где мы сможем спокойно продолжить наше экстренное совещание.

Из венгерского сатирического журнала «Лудаш Мати».

Перевёл И. НИКОЛАЕВ.

ЗАПУГИВАЕТ

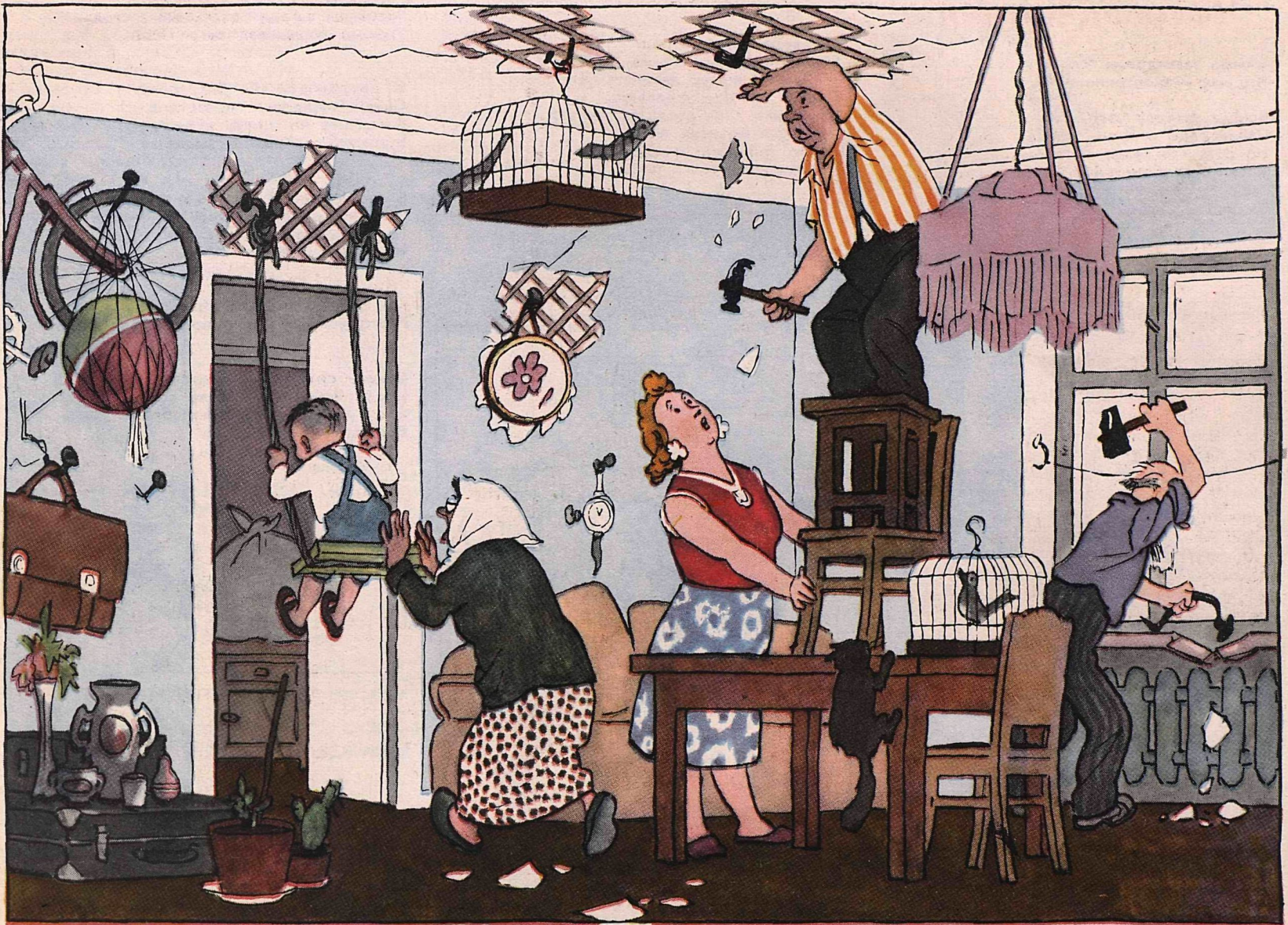
Рисунок А. ВАЖЕНОВА.

— Не подходите, это красная опасности.

О. БЕНЮХ

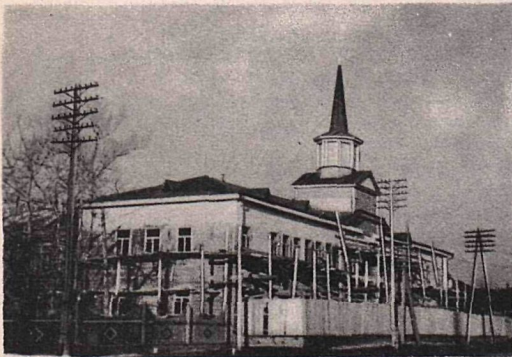
Рисунок Е. ЩЕГЛОВА.

— Плохо дом построили: где ни стукнёшь — везде сыплется.

Фотовитрина Крокодила

УЛИТА ЕДЕТ...

— Постойте-ка! Мне кажется, что это незавершенное произведение архитектуры я уже когда-то видел! — скажет, приглядевшись к нашему фотоснимку, памятный читатель. И он не ошибётся. Изображённая здесь стройка, точнее, надстройка, Дома Советов в

городе Сысерти, Свердловской области, уже была увековечена в фотовитрине Крокодила 10 октября 1951 года. Правда, на том снимке леса вокруг дома были повыше и погуще. Но эта художественная деталь ничуть не меняет существа дела...

Спешим сообщить повторную сводку о ходе кипучей стройки.

Время: восьмой годик пошёл.

Деньги: израсходовано уже полмиллиона да ещё 30 тысяч.

Намётки на текущий год: ещё 187 тысяч.

Оно, конечно, за такие деньги и за такой срок можно было бы соорудить не одно такое здание, увенчанное столь впечатляющей башней. Но вот поди ж ты! Картина, которую мы имеем на сегодняшний день, ясно показывает, что город Сысерть всё ещё не имеет Дома Советов. И, в частности, этим весьма опечалены юные горожане, у которых нет ни Дома пионеров, ни детской библиотеки. Нет и, очевидно, не будет, пока местные организации не освободят занимаемые ими помещения и не переедут в новый дом.

...Говорят, что означенная стройка в городе Сысерти до последнего времени велась хозяйственным способом. Если это так, то интересно, какой же способ называется бесхозяйственным?!

Вот так номер!

Воры приезжающих в Сочи так и манит вывеска на привлекательном здании, расположенном в зелёном сквере:

ПРИМОРСКАЯ ГОСТИНИЦА

Но не успевает путник к ней приблизиться, как слышит подозрительное щёлканье арифмометров и треск пишущих машинок, размножающих длинные циркуляры об улучшении обслуживания курортников... Гостиница занята под отделы горисполкома, который как раз и призван заботиться об отдыхающих. Свободных номеров нет.

— Вот так номер! — качают головами курортники...

Михаил ВЛАДИМОВ

Человек - анкета

Считал завкадрами Чумак,
Что мир — скопление бумаг.

Вокруг заводов ухал гром,
Цвели сады и песни пелись,
Но слух его везде, во всём
Ловил один бумажный шелест.

Считал завкадрами Чумак,
Что жизнь — движение бумаг,

И говорил, итогом рад,
Придя к начальству на доклад:
— Анкета номер двадцать пять
Пошла заводом управлять.
Взысканье дали двадцать третьей
Недобросовестной анкете,
А сто тридцатая снята
С номенклатурного поста.

И вызывал он на беседу
Не человека, а анкету.
И задавал, меняя позы,
Одни анкетные вопросы.

Вперивши взгляд бездумный в стол,
Угрюмо спрашивал он: — Пол?

И расстановку вёл без толку:
Сдал инженера в здравотдел,
Ветеринар на счётах щёлкал,
Бухгалтер в химиках сидел.

Когда ж тревогу били где-то:
Мол, что за кадры! Брак! Провал! —
Он торопливо брал анкеты
И, словно карты, тасовал...

Как он в завкадры угодил?
Кто подобрал, кто утвердил?

Отвечу просто, не подробно:
И сам Чумак — всё дело в том —
Лишь по анкете был подобран
Вышестоящим Чумаком.

г. Николаев.

НА БОЙКОМ МЕСТЕ

Рисунок Е. ГОРОХОВА.

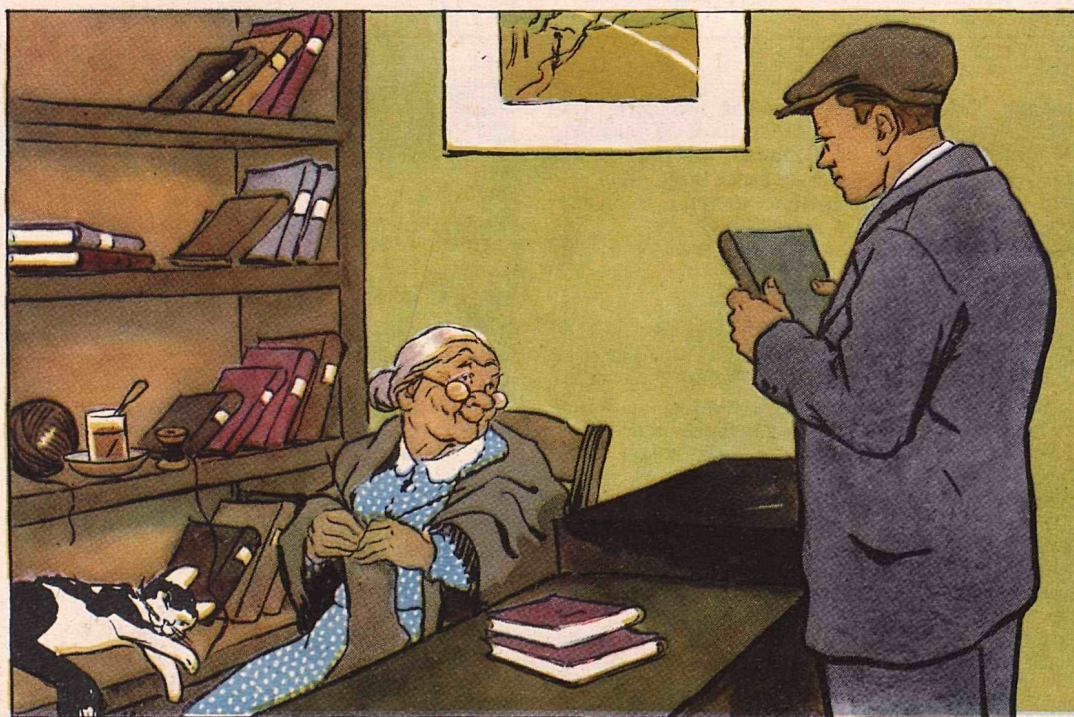
Агенты и комиссионеры города Куйбышева
редко выезжают в глубинные районы, а занима-
ются перекупкой продуктов у приезжих колхозни-
ков.

— Когда продавать начнёте?
— Как только покупать закончим...

Некоторые профсоюзные организации неудовле-
творительно руководят библиотеками, книжные
фонды библиотек ещё недостаточны.

Рисунок А. ВАЖЕНОВА.

— Последний раз даю вам книжку.
— Почему?
— Вы уже всю библиотеку за эту неделю прочли.

Надежда ЧЕРЕПАНОВА

Секрет

На совещании закрытом у Орла
Рассматривались важные дела.
Решили птицы этим летом...
(Да, впрочем, пусть секрет останется
секретом)

Записано решение в протокол —
И кончил совещание Орёл.
Заметила Орлица за обедом,
О чём-то призадумался супруг.
— Чем озабочен ты, мой друг?
— Да знаешь, мы решили этим летом...
Но ты, конечно, никому об этом.
Муж снова на работу, а Орлица...
Орлица потеряла вдруг покой:
Ах, у неё секрет такой,
И не с кем поделиться!
Увидела Сороку из гнезда:
— Летите, милая, скорей сюда!
Скажу я вам, но под большим секретом...
И вы, конечно, никому об этом.
— Ах, что вы! Понимаю... Нет!
Сорока ф-рр-р! — и полетел секрет.
Трясёт Сорока по лесу хвостом,
И в тот же день узнали все о том
(Конечно, каждый под большим секретом),
Что этим летом...
Осилив дел служебных кучу,
Летит Орёл в гнездо своё на кручу,
А вслед ему со всех сторон:
— Слыхали, птицы этим летом...
Орёл и удивлён и возмущён:
«Кто ж проболтаться мог об этом?
Как ненадёжен аппарат!
Придётся завтра же с утра
Мне в этом деле разобраться
И с болтуном немедленно расстаться».

* * *

Смысл этой басни? Он не нов:
Есть болтуны и среди орлов.

г. Чебоксары.

Дорогой Крокодил!

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

В колхозы Быркинского района, Читинской области, недавно приехали жить и работать 30 колхозников из Винницкой области. Это хорошо! Но ведь и хорошее и плохое нужно, говорят, сопроводить какой-нибудь официальной бумагой. Таковая и впоследствии оказалась на станции Борзя в адрес Быркинского райисполкома. Она сообщила: «Форма ГУ № 20. В Ваш адрес прибыли грузы. Род груза — люди. Прошу немедленно получить. В случае невывоза в трёхдневный срок груз будет ликвидирован».

Хорошо ещё, что начальник станции тов. Терентьев до сих пор не решился привести свою угрозу в исполнение!..

А. ШАРОГЛАЗОВ,
редактор районной газеты,
село Бырка,
Читинской области.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Не откажи в практическом совете. Руководители республиканского отдела Союзпечати товарищи Кусов и Лукашевич письмом от 10 мая предлагают снабдить нашу торговую сеть такими

«ходовыми, пользующимися большим спросом изданиями, как «Декамерон», «Крошка Доррит», «Американская трагедия» и ряд других».

Так вот, принимать ли нам это предложение?

— А почему бы и не принять? — спросишь ты. — Ведь творения Боккаччо, Диккенса и Драйзера на полках, очевидно, не залежатся?

Так-то оно так, но что же делать, если мы при всём желании не можем распространить в своей небольшой области четыреста экземпляров книги «Лесные гидротехнические мелиорации»?

— Но какое же отношение, — спросишь ты, — имеет пособие по мелиорации к «Декамерону»? Вроде бы никакого...

И мы тоже так думали. А вот товарищи Кусов и Лукашевич смотрят на дело по-иному и разъясняют:

«От того, как будут обеспечены заказ и реализация указанной книги в пределах не ниже 400—450 экземпляров, будет зависеть получение и снабжение сети ходовыми, пользующимися большим спросом изданиями, как...»

(Продолжение письма см. в начале заметки).

Вот и посоветуй, дружище Крокодил: как быть?

К. СМОКВИН,
начальник областного отдела
Союзпечати.

г. Брест.

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

По окончании Иркутского университета и Горно-металлургического института несколько молодых специалистов обязаны были

поехать в геологоразведывательные партии.

Мы охотно вместе с тобой пожелали бы им счастливого пути. Но... будущие разведчики предпочли остаться в городе и никуда не выехали.

Закончив вуз, они не явились туда за дипломами, не поблагодарили своих профессоров за заботу и науку и без всяких путёвок устроились в Иркутском геологическом управлении. Благо, их там с распростёртыми объятиями принял начальник управления А. К. Конев.

Сколько ни доказывали А. К. Коневу и восточносибирский геологоразведочный трест и Министерство геологии и охраны недр, что он поступил неправильно, что ему следует немедленно откомандировать специалистов на производство, — ко всем этим увещаниям, напоминаниям и предупреждениям А. К. Конев остался глух и нем.

Тебе, вероятно, известно выражение «Когда я ем, я глух и нем». Но когда человек делает вид, что он глух и нем не только во время еды, согласишься, что это по меньшей мере невежливо.

Пока никому не удалось перевоспитать А. К. Конева. Может быть, дорогой Крокодил, ты подскажешь радикальное средство, с помощью которого можно излечить Конева и вернуть ему слух и дар речи?

И. СИБИРСКИЙ

г. Иркутск.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Наш посёлок Панеряй расположен в живописном сосновом бору, всего в 12 км от Вильнюса. Не правда ли, очень удачное сочетание? Так и показалось многочисленным дачникам, избравшим наш посёлок местом летнего отдыха.

Руководители Балтийской железной дороги охотно пошли навстречу и начали с того, что укоротили состав особенно необходимого всем утреннего пригородного поезда Варена — Вильнюс на... целых шесть вагонов! Теперь попасть на этот поезд могут только умеющие вскарабкиваться на крышу или висеть всю дорогу на поручнях.

Не решившись ехать на таком «плацкартном» месте, как подножка, гостеприимно разрешается шестичасовой отдых на вокзале в ожидании следующего поезда. Не запрещается и передвижение пешком, так как прогулки служат тоже хорошим отдыхом.

Просим, товарищ Крокодил, оценить по достоинству подобное совмещение отдыха с «физкультурными упражнениями».

К. ЗАЙЦЕВ,

Р. ЯБЛОНСКАЯ и др.

ст. Панеряй.

ТОЖЕ СТУДЕНТЫ..

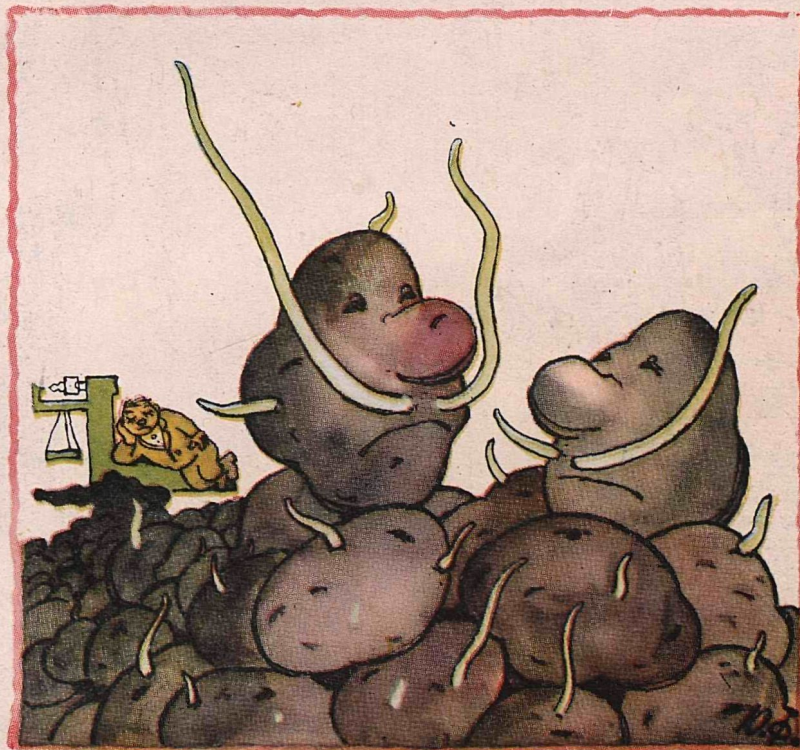
Рисунок С. СТЕПАНЯНА (Ереван), присланный на конкурс Крокодила.

Стильная компания.

СТРАДАНИЯ МОЛОДОГО КАРТОФЕЛЯ

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА.

— Пока завскладом собирался в магазин нас отправить, у меня усы выросли.

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, В. Я. КОНОВАЛОВ, И. В. КОСТЮКОВ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес ред.: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-31-37, Д 3-33-47. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

Москва.

Изд. № 517

Подписано к печати 21/VI 1954 г.

Формат бум. 70 × 108½.

1 бум. л.— 2,74 печ. л.

А 05058. Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 1947. Тираж 400 000 экз.

Рисунок Ю. ГАНФА.

В ТЕАТРЕ УОЛЛ-СТРИТА

— Бис! Повторить!

Агрессивные круги США, стремясь вновь развязать войну в Корее, сорвали мирное урегулирование корейского вопроса на Женевском совещании.